

ной среды» на Балканах (с. 237), которую Д.И. Польшвинный точно именуется спасительной для греков и южных славян в условиях османского владычества.

В чем состоит итог работы Д.И. Польшвинного? Изучив всю совокупность сохранившихся памятников болгарской средневековой культуры, он выдвинул и подробно аргументировал концепцию ее развития в течение семи веков. На всем протяжении книги он делает обобщения, выводы и наблюдения, которые следует расценить как заметный вклад в историографию средневековой Болгарии.

Многие положения работы Д.И. Польшвинного не бесспорны. Это определяется и состоянием ее источниковой базы, очень часто недостаточной для окончательных дефиниций, и исследовательской смелостью автора, не позволяющего себе уклоняться от гипотез, если того требуют решаемые задачи. Такая спорность повышает ценность монографии, поскольку позволяет автору поставить многие острые вопросы и стимулирует дальнейшие исследования.

В будущем без книги Д.И. Польшвинного не смогут обойтись как специалисты, изучающие общие вопросы культуры народов славяно-византийской ойкумены, так и исследователи конкретных аспектов истории средневековой Болгарии. Особо следует отметить полную свободу автора от этнических, конфессиональных и политических пристрастий, весьма распространенных в историографии средневекового славяниста.

О.Р. Бородин

Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. 208 с.

Книга молодого барнаульского исследователя – не первый опыт характеристики одной из самых известных сторон внутренней политики Анастасия I. Вместе с тем она коренным образом отличается от всех очерков, обращавшихся к подобному предмету, начиная с капитальной монографии И. Караяннопулоса о ранневизантийских финансах и заканчивая (если применять репрезентативную выборку), допустим, статьями В.В. Прибыловского (о налоговых мероприятиях упомянутого императора) или М. Миннити-Колонны (о политике Анастасия в свете панегирика Прокопия из Газы). В.В. Серов взялся за комплексное исследование финансовой деятельности всех ранневизантийских правительств (по началу VI в. включительно) в порядке их функционирования, подразумеваемая под ней целенаправленный сбор, распределение и использование финансовых ресурсов в государственных целях (с. 6, 12, 169). Корректно относясь к изысканиям практически всех своих предшественников, которые хоть как-то касались обозначенной темы, В.В. Серов первый попытался освоить ее в форме монографии, построив исследование по тематическому принципу, сочетаемому с хронологическим срезом (например, анализируется фискальная политика правителей начиная с Диоклетиана и кончая тем же Анастасием). Однако акцент делается, во-первых, на узловых моментах финансовой политики, а во-вторых, Анастасий – не альфа и омега исследования (как это сделано, например, в книге К. Капици); скорее, он – продолжатель и одновременно веха в линии мероприятий, начатых основателями домината, но уходящих корнями в принципат. Самый наглядный пример – разбор в монографии В.В. Серова той же фискальной политики, начинающейся с исследования ее направлений и методов в период I–II вв. (с. 44 и сл.).

В то же время автор не чужд эпитетов и метафор, когда речь идет об оценке деятельности его основного героя. Финансовые мероприятия Анастасия – «вершина» деятельности позднеантичных правительств в сфере налогообложения (с. 36), «своеобразная вершина всей фискальной политики III–VI вв.», хотя и не завершение ее (с. 61), «этапон при сравнении с любым позднеантичным или ранневизантийским правительством» (с. 170). С последним утверждением, кстати, следует, полностью согласиться, и с этой точки зрения выбор темы совершенно оправдан. С другой стороны, добросовестно стараясь фундировать такого рода оценки, В.В. Серов показывает, что мероприятия Ана-

стасия «представляли собой единую продуманную систему», что все его финансовые меры «оказались взаимозависимыми и взаимосвязанными» (с. 172), но сам этот показ заключается прежде всего в осмыслении основных явлений ранневизантийско-позднеантичной «экономии» в их целостности, что оказывается весьма плодотворным.

Отсюда, естественно, основной источник из комплекса, задействованного для исследования В.В. Серова, – данные кодексов Феодосия и Юстиниана I, а не нарратив. Используются не только прямые и косвенные сведения о финансовых мерах того или иного императора, но и содержащиеся в указах или новеллах сенции законодателей. Последние оказываются особенно актуальны для реконструкции В.В. Серовым так называемой «теории налогов», т.е. теоретического обоснования позднеантичными властями «права государства на получение дохода и его перераспределение и расходование в государственных и общественных интересах» (с. 13). Досадно, что содержащиеся в законах краткие декларации и «теоретизированные» целеполагания вынесены в примечания (они следует за каждой главой монографии) и – что еще более досадно – сами по себе не проанализированы. Именно такой анализ, на наш взгляд, мог бы серьезно подкрепить или, наоборот, поставить под сомнение утверждения В.В. Серова о таком уровне абстрагирования законодателей IV–VI вв., который позволял бы говорить о «целостной системе устойчивых принципов» не только самой налоговой политики, но и ее обоснования в правлении Анастасия (с. 36), хотя автор оговаривается предельно ясно: «Системно завершенной “теории налогов”, которая была бы материализована в специальных трактатах, в античности, конечно, не существовало...» (с. 24). К тому же, думается, отсутствие подобных трактатов объясняется не столько отсутствием выделенных на уровне теории таких отраслей права как налоговое, финансовое и бюджетное (там же), сколько относительно спокойной эволюцией налоговой системы, свободой ее от системной кризисной ситуации, – ситуации, которая, например, на полисном уровне привела к появлению десятков «политий», а в период «великого обвала» II–I вв. до н.э. – к экспрессивным сочинениям Саллюстия, Цезаря, Цицерона и т.п. Да и тогда возникновение каких-либо специальных трудов отражало не столько формирование определенной научной, теоретизированной отрасли, сколько сильнейшее напряжение в конкретных сферах *литературного* процесса. Поэтому, когда В.В. Серов собирается начать свое исследование с анализа «правового (! – А.К., Т.К.) диалога власти и общества по поводу финансов» (с. 13), т.е. с «теории налогов» в поздней античности, то диалог оборачивается монологом власти, пусть даже воспринимающей тезис о том, что «неправильное измерение налогов порождает злобу и вражду населения к государству»¹.

Как уже было сказано, В.В. Серов обращает внимание прежде всего на узловые моменты в финансовой политике императоров IV – начала VI в., и в первую очередь – Анастасия. Поэтому в рецензируемой книге не найти, например, подробного раскрытия генезиса и развития такого эпохального налогового явления как *jugatio-capitatio*, основательно разобранного историографией, или подробной истории фиска, хорошо преподнесенной, например, П.А. Брантом. Одна пятая часть монографии В.В. Серова посвящена исследованию попыток ранневизантийского правительства обеспечить стабильность государственных доходов (с. 43–82) и гораздо больший объем (что справедливо, исходя из актуальности исторической и источниковой ситуации) (с. 83–168) – поискам путей оптимальных расходов. Когда же В.В. Серов пишет (и вполне логично), что «теория налогов» V в., «в том числе и общественная ее модель, имели большое влияние» на Анастасия (с. 37), и предваряет главой об этой «теории» основной обзор темы, то подобная «теория» оказывается лишь одной из стартовых площадок, с которых император вел свою финансовую политику. Другие стартовые позиции этой политики четко обозначены в «доанастасиевых» разделах каждой из последующих глав книги. То, что Анастасий был не столько новатором, сколько умелым исполнителем наиболее подходящих для его времени результатов финансовых мероприятий прошлых правлений, демонстрирует любое направление его политики.

¹ Цит. по: *Досталова Р.* Напряженность социальной обстановки в Византии V–VI вв. в отражении анонимного трактата «Περὶ πολιτικῆς ἐπιτομῆς» // ВВ. 1990. Т. 51. С. 52 (ср.: *Серов В.В.* Финансовая политика... С. 33).

Возьмем, к примеру, область сокращения государственных расходов. Традиционным не только остается набор сфер, в рамках которого шел поиск экономии средств, но и методы осуществления этой экономии. Основываясь на опыте своих предшественников, Анастасий использовал их наработки для упорядочения в частности адерации анноны и *species*. Используя теоретические и практические наработки в этой области, именно Анастасий соединил их «в рамках цельной концепции» (с. 117).

В этом отношении также представляется принципиально важным весьма обоснованный вывод В.В. Серова относительно фискальной политики Анастасия: император особо внимательно относился к собственному хозяйству и в целом не смешивал его с «финансовой массой» государства, – политика, в значительной мере отвечавшая тенденциям развития фиска III–V вв. (с. 58–59). Отсюда и создание известной *comitiva saacri patrimonii* как средства обособить хозяйство императора, и отказ последнего от услуг делаторов для обогащения казны, и отказ от прав фиска на некоторые доли выморочных имуществ (одного из источников *res privatae*). Таким образом, речь идет об оптимизации управления имуществом, находившимся в распоряжении верховной власти.

Отдельно следует коснуться социального аспекта финансовой политики в ранней Византии, как ее видит В.В. Серов. Для начала не удержимся от цитирования очень ответственного положения: «Финансовые мероприятия Анастасия имели вид деятельности по восстановлению справедливых основ общественной жизни: они вели к перераспределению бремени налогов, к ограничению неоправданных расходов, к обузданию злоупотреблений со стороны чиновников и к поддержанию значимых с точки зрения идеологии позднеантичного гражданина учреждений и самой власти императора так, как ее представляла государственная теория» (с. 73). Скажем сразу – в целом позиция данного положения автором доказана. Здесь же надо особо оговорить тот факт, что оно коррелируется с выявленными В.В. Серовым основными принципами как официальной «теории налогов», сформировавшейся к середине III в.: 1) соразмерность налога и величины доходов плательщика; 2) взаимные обязательства граждан и государства в доходах и расходах; 3) признание традиции и законов как «меры» налогообложения; 4) первичность расходов и вторичность доходов в государстве²), а также с уточняющими и дополняющими их аналогичными принципами, использованными Анастасием: 1) определенность налогов; 2) удобства плательщика; 3) минимальность издержек при сборе налогов (с. 36). Из наиболее выразительных оценок, подтверждающих рационализм и гибкость финансовых мероприятий императора (а значит и соблюдения им указанных принципов³), в первую очередь отметим в целом фундированный тезис о необходимости историографического утверждения относительно усиления *coemptio* при Анастасии и об ее сверхбременительном характере (с. 75). (В связи с этим надо сказать, что В.В. Серов по сути присоединяется к А. Джонсу⁴, отмечая, что в конце V – начале VI в. в финансовой политике шло движение к постепенному отказу от экстраординарного бремени принудительных закупок хлеба и т.д. у населения.) Далее весьма показательно, что В.В. Серов присоединяется к тем авторам, которые видят в отмене Анастасием хрисаргира, наряду с прочим, потребность ослабить социальный накал 90-х годов V в., причем на примере Египта ясно показано, что для отдельных провинций эта мера была во многом популистской (с. 99).

Что касается коммутаций налогов, то В.В. Серов полагает (в основном на основании отсутствия соответствующих прямых свидетельств источников), что в IV–V вв. «они не вызывали особого возмущения у населения», ибо не происходило существенного нарушения естественно сложившегося баланса денежной и натуральной норм платежей» (с. 121). То же, по его мнению, произошло и с применением как самой адерации анноны,

² См.: Серов В.В. «Теория налогов» в Римской империи (I – первая половина III в.) // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 60–83.

³ «... “теория налогов” Анастасия была разработана им для осуществления конкретных задач внутренней и внешней политики, исходила из оценки ситуации и не была умозрительной компиляцией из идеалов и популистских фраз, как это бывало до него» (с. 37).

⁴ Jones A.H.M. The Later Roman Empire. 284–602. A Social, Administrative and Economic Survey. Oxford, 1964. Vol. 1. P. 235.

так и христотелии югов; после того, как порядок применения последней «устоялся, она перестала приносить населению провинций дополнительные неудобства» (с. 124). Аргументация утверждения, однако, не приведена. В этом плане принципиально важен другой, более широкий и решительный вывод относительно того, что и увеличенная адэрация анноны, и эпиболе, и синонэ «были по сути дела дополнительными налогами для населения империи. Но финансовая политика Анастасия была столь рациональна, что смогла нейтрализовать неизбежное резко отрицательное по отношению к дополнительному обременению налогами настроение общества» (с. 172). Еще раз отметим – характеристика эпиболе и синонэ В.В. Серовым дана вполне аргументированная. Другой вопрос – насколько Анастасию удалось «нейтрализовать» социальное недовольство.

Вместе с тем, конечно же, надо согласиться, что антикоррупционные меры императора «должны были благоприятно сказаться... в социальной сфере» (с. 132), а отменить зрелища полностью для экономии средств казны, с другой стороны, было невозможно, и Анастасий сэкономил на малом – запретил – лишь дорогостоящие травли зверей (с. 148). Но вот относительно утверждения, что чеканка тяжелых фоллисов снизила цены на рынке, – после чего армия, чиновничество и городской плебс «успокоились и стали пользоваться новыми монетами» (с. 152), – утверждения, сопровождаемого ссылкой на работу Ф. Грирсона, то тут соображения могут быть иными. Доказательств упомянутого успокоения Ф. Грирсон не приводит⁵, а в рецензируемой книге дается совершенно правильное суждение, что в конечном счете низшие и средние слои могли воспринимать внутреннюю политику Анастасия как наступление на возможность дополнительной прибыли, «колонны – от продажи урожая по ценам рынка, чиновники – от использования своего служебного положения, куриалы – от участия в сборе налогов и их распределения» (там же). В связи с этим сомнительно, что та же адэрация анноны и христотелия югов при всей гибкости их проведения могли сопровождаться адаптацией к ним большинства налогоплательщиков. Большинство последних – это мелкие хозяева, а экономическая привязка мелкого хозяйства к рынку – явление всегда весьма относительное и в лучшем случае спорадическое. Постоянное взимание даже части платежей в денежном выражении (особенно в монете из благородного металла) положительной реакции земледельцев, ремесленников и даже мелких торговцев вряд ли способствовало. Но если учитывать данное обстоятельство, то следует полностью согласиться с В.В. Серовым относительно характеристики реформ Анастасия как высокорезультативных в финансовом отношении, поскольку они позволили увеличить доходы и уменьшить расходы государства. Хотя безусловно для большинства византийцев нововведения Анастасия «означали более жесткую позицию государства в сферах налогообложения и распределения» (там же), а его «экономия» свелась «в конечном счете к дополнительному обременению податного населения» (с. 80).

Поскольку основной заботой государства всегда оставалась оптимизация расходов, то остановимся подробнее на этом направлении финансовой политики Анастасия I. В.В. Серов подробно анализирует дополнительную расходную часть финансовой системы, и это вполне оправдано, поскольку именно в принципах распределения доходов на непредусмотренные нужды, как показывает автор, нашли отражение особенности не только финансовой, но и внутренней политики того или иного императора В.В. Серов приводит список этих дополнительных расходных статей [прямые военные расходы и расходы вследствие варварских набегов; расходы на преодоление последствий стихийных бедствий и природных явлений; расходы из-за непоступления дохода по причине дарования налоговых льгот и привилегий; расходы на строительство общегосударственных объектов; прочие расходы, в том числе частные императорские (с. 84)], в детальном рассмотрении которых он и демонстрирует механизм действия финансовой политики ранневизантийского императора. Интересен в этом отношении анализ принципов предоставления налоговых льгот при Анастасии I. Подчеркивая *регулярность* данного вида расходов, тем не менее автор относит освобождение от налогового бремени к вынужденным мерам государства, которые вели за собой недопоступление средств в казну

⁵ Grierson Ph. The Monetary Reforms of Anastasius and their Economic Consequences // Proceeding of the International Numismatic Convention. Tel Aviv; Jerusalem, 1967. P. 287.

(с. 95). Традиционным направлением политики предыдущих императоров было дарование льгот и привилегий определенным социальным слоям или прощение недоимок. Анастасий же предпочел сократить практику освобождения от налогов высших чиновников и придворных в целях экономии средств. Кроме того, его мероприятия в сфере финансов позволили отказаться от хрисаргира, меры в большей степени популистской, тем более что в казну в связи с этим перестали поступать значительные суммы. Однако замечает автор, «Анастасий не пускался в необдуманные траты, и потеря дохода из-за отмены хрисаргира была подготовлена им и оправдана целями внутренней политики» (с. 100). И все же непредвиденные расходы, имея «неожиданный и нежелательный для финансов империи характер» (с. 90), часто налагаясь один на другой, были разрушительны для финансовой стабильности империи, и в этом отношении показателен период 501–507 гг., когда тяжким бременем на финансы одновременно легли расходы на ведение Персидской войны, на преодоление последствий неурожая и голода вследствие засухи и на усмирение социальных выступлений в империи.

Очертив специфику доходной и расходной части финансовой политики государства, В.В. Серов, следуя логике своего изыскания, переходит к детальному рассмотрению мер императора, направленных на сокращение расходов. Автор монографии справедливо подчеркивает неоригинальность финансовой политики Анастасия в данном направлении (с. 111). Набор сфер, где возможно было уменьшить расходы, вполне традиционен: средства на содержание войск, чиновничьего аппарата, двора, сфера денежного обращения. Что касается сферы военных затрат, то здесь на первый план выступают мероприятия по упорядочиванию снабжения армии, а также по организации контроля за распределением военных средств, что позволило бы сократить государственные расходы в этой области. В монографии доказано, что система сочетания денежных и натуральных налогов с перевесом в ту или иную сторону была в V в. достаточно гибкой и зависела от состояния экономики. Однако, опираясь скорее на логические построения, нежели на данные источников, В.В. Серов заключает, что в определении доли натуральных и адрированных платежей значительную роль играл учет «желаний» налогоплательщиков и адресатов налогов (с. 116). Определение оптимального соотношения этих форм уплаты налогов стало одним из рычагов политики экономии в данной сфере.

В.В. Серов соглашается с А. Керпом и С. Маццарини, полагавшими, что адерация анноны была тяжким бременем для основной массы налогоплательщиков, лишь со значительной оговоркой – «адерация поземельного налога была нежелательна населению только при определенных условиях» (с. 120). Тем самым, автор рецензируемой работы признает существование самой возможности увеличить коммутацию ренты, которая была бы «безболезненной для широких социальных слоев» (там же). Но ведь тем самым не учитывается тот уже упомянутый факт, создавалась опасность в результате перевода на денежные взносы нанести удар по слою мелких земледельцев, которые к тому же составляли значительную часть налогоплательщиков. К чему бы это могло привести, трудно предположить. Существеннее другое, что и отмечает сам автор, при адерации анноны важнее было не нарушить существующий баланс денежных и натуральных платежей, причем с учетом местных социально-экономических особенностей.

Анастасий I, как показано автором, неоднократно прибегал к увеличению доли коммутированной ренты, хотя она не была широкомасштабной и обязательной мерой в его политике экономии средств. В.В. Серов, однако, не вдаваясь в аргументацию, делает вывод, что законодательные акты в этой сфере были «приближены к реальной жизни, и поэтому очевидно, что и результаты их выполнения были вполне реальны» (с. 121). Второе направление политики экономии средств в военной сфере связано с упорядочением сбора и распределения военных налогов, который закреплялся за гражданскими лицами (с. 122).

В.В. Серов констатирует: на основе проведенного анализа можно говорить о том, что Анастасий использовал все возможные методы в сфере экономии средств, в результате чего довольно скоро был получен положительный результат. Хотелось бы уточнить, что автор подразумевает под фразой «все методы» (с. 120)? Если речь идет только об адерации анноны и упорядочении механизмов сбора и распределения военных налогов, то это явно не исчерпывает всех возможных направлений политики экономии. Поэтому автор вполне закономерно добавляет к перечню предпринятых Анастасием мер и

хрисотелию югов, которая была по сути усиленной адэрацией. В.В. Серов ставит перед собой задачу выяснить причины и финансовые последствия использования данного вида налога, решая которую он выходит на проблему сущности данного явления. Здесь он демонстрирует свое принципиальное несогласие с устоявшейся в историографии позицией, согласно которой хрисотелия была ни чем иным, как кратковременным дополнительным налогом. Опираясь на сообщения источников, автор заключает, что «хрисотелия должна была представлять собой значительный и *постоянный* (курсив наш. – А.К., Т.К.) денежный налог, а не временную меру» (с. 123). Именно она стала «резервом финансовых возможностей», а благодаря небольшому размеру и четкому порядку применения не была обременительна для населения (с. 124).

В качестве шагов, направленных на сокращение расходов государства, исследователь выделяет антикоррупционные мероприятия Анастасия (с. 125–132). Если согласиться с автором, что злоупотребления чиновников являлись видом дополнительных расходов, то придется признать: государство планировало недополучение средств из-за нарушений в сфере управления, а следовательно, стремилось сократить данный пункт расходной части бюджета. Но весь приведенный автором материал говорит в пользу того, что антикоррупционные мероприятия были нацелены прежде всего на сокращение правонарушений в структуре административного управления. Отсюда и основная задача, стоящая перед правительством Анастасия, – организация всеобъемлющего контроля над деятельностью чиновников и отчетности должностных лиц (с. 131).

С данной точки зрения стоит подходить и к реформе системы сборов налогов, которая была связана с куриальной политикой. К началу правления Анастасия четко обозначились две основные задачи в этом направлении: найти замену куриям и сократить число посредников между налогоплательщиком и адресатом налогов. Эти задачи с успехом были решены реформами Анастасия: соответствующие функции курий были переданы виндикам, также уменьшилась численность тех, кто участвовал в процессе аккумуляции поступающих налогов. Это позволило более решительно определить позиции государства в отношении курий, в результате чего городские финансы были поставлены под многоуровневый контроль (с. 145).

Поэтому позволим не согласиться с авторским определением антикоррупционных мер, реформы сбора налогов и куриальной политики как «финансовых мероприятий, которые были направлены на упорядочивание различных административных структур с целью устранения неоправданных... расходов» (с. 146). Следовало бы отнести эти мероприятия скорее к административной сфере, совершенствование которой безусловно имело и финансовую подоплеку и, конечно, напрямую сказалось и на состоянии финансов в империи.

Попытки найти дополнительные сферы, где было бы возможно уменьшение затрат, свидетельствуют о последовательности императора в своей политике экономии. В связи с этими вполне традиционными («мерами не реформационного характера» по определению автора) выглядят шаги по урезанию отдельных статей расходов, как то лишение исавров донатива, отмена дорогостоящих представлений и т.д. Эффект экономии средств дала и денежная реформа, которая, кроме того, позволила «поддержать другие финансовые мероприятия Анастасия» (с. 152).

Анализируя «манеру поведения» государства в поиске средств сокращения расходов, В.В. Серов делает обоснованный вывод, что правительство Анастасия руководствовалось принципом сокращения прежде всего неоправданных дополнительных расходов. И здесь использовались два основных метода: «перераспределение поступающих в качестве доходов средств и более строгий их учет в процессе потребления» (с. 171).

В.В. Серов вполне доказательно демонстрирует стремление Анастасия «воплотить в жизнь идеальный план обустройства всего государства» (с. 93). Но насколько императору удалось восстановить «справедливые основы общественной жизни» (с. 73), хотя бы в сфере финансовой политики? Для автора рецензируемой работы ответ вполне однозначен.

Таким образом, труд В.В. Серова, содержащий немало положений, вызывающих полемику, тем не менее является серьезным вкладом в антиковедение и византистику одновременно.

А.С. Козлов, Т.В. Куц